

сюрреалистически сжат, проговариваясь, как правило, в минимальном объёме строк.

Когда мы наконец-то станем
той любовью, которой воистину являемся, –
тогда мы будем бесконечностью:
постоянно создавая – постоянно создаваемыми,
постоянно превышая возможное,
постоянно нащупывая иное
в том же самом,
мы – Вселенная без границ.
Как вода,
как лёгкий сыпучий танец,
мы – капелька неба
для всех жаждущих.

Поэт не может бесконечно жить на чужбине. Его безостановочно тянет на родину, к своим корням. Вот и Бронислава Волкова вернулась в Прагу. Теперь – уже насовсем. «Я звучу в Боге, как маленькая флейта...» – говорит она. Сыграйте же мне на Вашей флейте, Бронислава!

КИТАЙСКАЯ НОТА ПОЭТА ИРИНЫ ЧУДНОВОЙ

Ирина Чуднова живёт в Китае уже больше 25-ти лет. Этого достаточно для того, чтобы сознание человека незаметно для него самого стало «гибридным». «А на севере написано: «Китай». И на юге написано: «Китай». А на небе «Китай» не написано», – шутил известный концептуалист Дмитрий А. Пригов. Мы плохо себе представляем, насколько кардинально сказывается китайский фактор на психике и мировоззрении русского человека, интегрированного в местные реалии. В этом плане лирика Ирины Чудновой даёт богатую пищу для размышлений.

там, где тонко – сорвётся,
вопрос только в сроках – когда?
на Цинмин с неба янская рухнет вода..
нешто выпала? – не ожидали! тогда
ритуального лепим уродца.
и втыкаем морковь, потому что – любовь,
потому что свекровь супит тонкую бровь,
потому, что судьба раздаётся
каждый год по весне.

Это стихотворение, частично мною процитированное, называется «Двадцать четыре сезона. Цинмин. Очищение света». Само название уже вызывает вопросы: российский читатель совершенно не подготовлен к «китайской грамоте». Почему сезонов целых 24? Почему самое чистое, что есть в мире – свет – нужно очищать? Всё это звучит достаточно парадоксально. Может быть, подкачал перевод, и нужно говорить не «очищение света», а «очищение светом»?

Поэзия – в любом случае «многоборье». Можно брать своё лексикой, можно – эксклюзивными переживаниями, можно – новаторской тематикой. Ирина Чуднова отличается виртуозной степенью владения языком, поэтому к её текстам у меня высокая степень доверия. Она настолько искусна в языке, что способна совершать в своих текстах рискованные «па». Например, используя несвойственные русскому языку падежи: «Небо зиждется покоем», «ласточка мутирует к сове». Чуднова интересно экспериментирует с ритмом, находя баланс между тайным и явным. Дольник и тактовик – излюбленные стихотворные размеры пекинского поэта.

Великий предел

дай же сгореть моему
телу во льду в огне –
космос, постой за меня, побудь
на моей стороне!

ведь куда бы тебе
ни идти –
всё упрёшься в меня
в тишь
помолчишь
руками всплеснёшь на ветру

а что станет
когда я умру? –

ноги как лёд босы
сердце в огне –
похорони меня, космос,

вне.

Чуднова – человек с абсолютным поэтическим слухом и невероятным талантом к родному языку. В её лирике слышна единственность. Бывает так, что хороший, универсальный поэт прекращает на время писать – по своим внутренним причинам. Он не обещает читающей публике: «I'll be back!» Он и сам не знает, вернётся

ли. Лада Миллер, поэт из Монреаля, например, активно писала с раннего детства в России, потом уехала в Израиль – и замолчала на тринадцать лет. Но затем, ещё раз переехав в другую страну – на этот раз в Канаду – с лихвой перекрыла всё ненаписанное за годы жизни в Израиле. У Ирины Чудновой тоже случился значительный перерыв в творчестве. 12 лет «пифагорового молчания». А затем – наступил ренессанс, инспирированный её участием в организации поэтического фестиваля «"Эмигрантская лира" в Китае» (2017 год). Началась новая жизнь, «второе пришествие». Молчание было не абсолютным, но всё же... Ты словно бы упираешься в невидимый «великий предел», встаёт перед тобой «китайская стена» безмолвия.

Чуднова создаёт и планирует своё внутреннее пространство – так, чтобы следовать в фарватере сильных сторон своего дарования. На мой взгляд, в сложных стихотворениях, насыщенных символикой и подтекстами, её голос звучит более убедительно, нежели в более «простых» произведениях. Пока автор не убедил меня в обратном. Всё чаще в стихотворениях Ирины появляется соотнесённость с традициями и верованиями Поднебесной. Стихи становятся многоуровневыми по степени понимания. Замечу, что лучше мигрировать от сложного к простому, нежели наоборот. Почему? Сложным контекстом проще завоевать себе имя. Сложность располагает к разгадыванию тайнописи. Потом, когда ты уже достаточно известен, можно и «в неслыханную простоту» удариться. Конечно, если ты на неё способен. У Чудновой – неординарная и нестандартная лирика. Особенно это заметно в стихах о любви, поскольку в них труднее всего быть небанальным.

..зелёное или синее – выбирай, хочешь спичку тяни,
или монеткой сыграй, вынешь большее – меньшее
в дар бери. Что же застит глаза и мучит тебя изнутри?

Там, в вышине, в стоячей небесной волне,
в неземном вине вопль неразделённой нежности –
это звенит одна на всё небо цикада,
и губы её в крови, а сердце у райских врат:
белым крылом на закат, лазоревым на рассвет,
под правым крылом сонет, под левым Сократ.

Ирина Чуднова – человек, богато одарённый и воображением, и интеллектом, и судьбой. Всё у неё есть, в том числе и желание совершенствоваться. В заключение мне хочется пожелать ей не заболеть «синдромом Ивана Жданова». Что это такое? Сложно пишущие авторы, как правило, норовят «отдохнуть» на рифмах. Им кажется, что уж рифмы точно не стоит усложнять. Пусть читатель отдохнёт на рифмах! Но такое решение часто оказывается не лучшим. «Кровь – любовь»,